

Дагфин Фёллесдал

Гуссерлевское понятие ноэмы¹

Согласно Гуссерлю, основной темой феноменологии является интенциональность, то есть свойство сознания быть сознанием о чем-то.²

Это отношение к интенциональности Гуссерль наследует от своего учителя, Brentano. Как пишет Brentano,

«Всякий ментальный феномен характеризуется посредством того, что средневековые схоласты называли интенциональным (или же ментальным) внутренним существованием предметов и что мы, хотя и в несколько двусмысленных выражениях, назвали бы отношением к содержанию, направленностью на объект».³

Это утверждение может показаться трюизмом, но такое понимание интенциональности ведет к трудностям, когда, например, мы пытаемся применить его к человеку, который галлюцинирует или который думает о кентавре. Brentano утверждал, что даже в этих случаях, наша ментальная деятельность, наши мысли или наши ощущения, направлены на некоторый объект. Как считал Brentano, эта направленность не имеет ничего общего с объектом, существующим в реальности; объект сам содержится в нашей ментальной деятельности, содержится в ней «интенционально».

Однако, хотя взгляд, согласно которому объекты актов является реальным, ведет к трудностям в случаях с галлюцинациями и кентаврами, противоположный взгляд, согласно которому объекты являются нереальными, что бы это ни значило, ведет к трудностям в случае многих других актов, например, актов обычного восприятия. С этой точки зрения, то, что мы видим, когда мы видим дерево, похоже, не является реальным деревом перед нами, но чем-то еще, что мы могли бы видеть и в том случае, если бы у нас была галлюцинация.

Итак, мы столкнулись с дилеммой.

Гуссерль разрешает эту дилемму, утверждая, что хотя каждый акт является направленным, это не означает того, что всегда существует некоторый объект, на который он направлен. Согласно Гуссерлю, существует *ноэма*, связанная со всяким актом, в силу которой акт является направленным на свой объект, если такой существует. Когда мы думаем о кентавре, наш мысленный акт имеет ноэму, но у него нет объекта; не существует того объекта, который мы мыслим. Благодаря своей ноэме, однако, даже такие акты являются направленными. Быть *направленным* просто и означает иметь ноэму.

Гуссерлевское понятие ноэмы, поэтому, является ключевым понятием в его теории интенциональности и, таким образом, в его феноменологии. Согласно Гуссерлю, правильное понимание и схватывание различий, связанных с ноэмой «имеет важнейшее значение для феноменологии и является решающим для ее правильного обоснования» (239.55).

В данной статье я представлю несколько тезисов относительно ноэмы, подтверждая их систематическими аргументами и цитатами из работ Гуссерля. Я постараюсь сделать описание ноэмы, возникающее при этом, настолько точным и

¹ Dagfinn Føllesdal "Husserl's Notion of Noema" // The Journal of Philosophy. 1969. Vol. 66. P. 680-687.

² Edmund Husserl, *Ideen*, I, с. 203, строки 22-23; с. 204, строки 20-21; и с. 357, строки 19-20 по изданию Husserliana (Haag: Nijhoff, 1950). В дальнейшем все ссылки в тексте даются по этому изданию, если не указано иное.

Данная работа представляет собой расширенную версию неопубликованного доклада, который был прочитан на встрече Западного отделения Американской Философской Ассоциации в мае 1968 года. Основная тема работы восходит к статье о Гуссерле, которую я написал для *Vestens Tenkere* (Норвегия) в 1962 году.

³ Brentano Ф., Избранные работы. М., 1996. с. 33.

полным, насколько это позволяют свидетельства, доступные в различных опубликованных и неопубликованных работах Гуссерля.

Мой основной тезис сводится к следующему:

(1) Ноэма является интенциональной сущностью (intensional entity), обобщением понятия смысла⁴ (Sinn, Bedeutung).

Данный тезис и его следствия идут вразрез с обычными интерпретациями Гуссерля, но они хорошо согласуются с текстами самого Гуссерля. Так, в третьем томе «Идей», на странице 89, Гуссерль говорит: «Ноэма есть ни что иное, как обобщение идеи смысла (Sinn) на сферу всех актов».

Также во многих других своих работах Гуссерль высказывает похожие взгляды. Так, в первом томе «Идей», он говорит: «Первоначально оба эти слова [‘Bedeuten’ (означивание) и ‘Bedeutung’ (значение)] были сопряжены со сферой языка, со сферой, в которой что-либо выражается. Однако почти неизбежный и одновременно важный шаг состоит в расширении и подходящей модификации значения этих слов, вследствие чего они известным образом находят применение во всей ноэтически-ноэматической сфере, – следовательно, применяются ко всем актам, сплетены таковые с актами выражения или же нет» (304.7-14)⁵. И в «Идеях», I, страницы 233.35-37, Гуссерль характеризует ноэму как «смысл (в самом широком значении)». Сравните также 219.1 и 223.4.

Следует помнить о двусмысленности в гуссерлевском употреблении термина «Sinn» применительно к ноэме. Иногда он имеет в виду полную ноэму, а иногда только ее часть, которая может быть одинаковой в актах многих различных видов, например, в актах восприятия, воспоминания, воображения и т.п. Наш следующий тезис состоит, поэтому, в следующем:

(2) Ноэма имеет две части: одну общую для всех актов, имеющих одинаковый объект, идентичные свойства, одинаково направленных и т.п., независимо от «тетического» характера акта, т.е. от того, является ли он восприятием, воспоминанием, актом воображения и т.п.; и другую, которая различается в актах с различным тетическим характером.

Первую из этих двух частей Гуссерль называет «ноэматическим смыслом» (noematischer Sinn) (321.38) или, иначе, «предметом в «как» его определенности» (der Gegenstand im wie seiner Bestimmtheiten) (321.37) и «предметным смыслом» (gegenständlicher Sinn) (250.4). Сравните также с 249.11. и 322.4. Вторую часть он называет ноэматическим коррелятом «способа данности» (Gegebenheitsweise) объекта (323.18, 250.16) или «способа, которым осознается объект» (Weise, wie der Gegenstand bewusst ist)⁶. Важной частью «способа данности» является «тетический характер», «характер полагания» (Setzungcharacter) акта. Другая часть, входящая в «способ данности», – это исполнение, созерцаемый смысл (Anschauungssinn). Как мы и можем предположить, Гуссерль говорит, что вторая часть, как и первая, может рассматриваться как компонент смысла акта в широком значении (223.17-18). В «Логических исследованиях» (5-ое исследование, параграфы 20-21) Гуссерль называет первую часть «материей», вторую – «качеством», и обе их вместе – «смыслом». В «Идеях» Гуссерль обычно использует термин «Sinn» для обозначения первой части, а термин «Ноэма» для обозначения обеих частей вместе.

Третий тезис состоит в следующем:

⁴ Фёллесдал использует здесь термин meaning (прим. переводчика).

⁵ *Идеи* I, с. 269. Часть цитат из первого тома *Идей* здесь и далее даны по изданию Эдмунд Гуссерль. *Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии*. М., 1999. (прим. переводчика).

⁶ Из неопубликованной рукописи «Ноэма und Sinn», с.6; в дальнейшем эта рукопись будет обозначаться как «NuS» с указанием номера страницы.

(3) Ноэматический смысл является тем, в силу чего сознание относится к объекту.

Этот тезис также хорошо подтверждается текстами Гуссерля. Так, в «Идеях», I, 316.15 читаем: «Сознание относится посредством этого смысла к своему объекту». И «всякое интенциональное переживание имеет ноэму и в ней – смысл, посредством которого оно относится к объекту» (329.9). Сравните также с 316.18 и 318.18.

Ключевой момент феноменологии Гуссерля заключается в следующем:

(4) Ноэма акта не является объектом акта (т.е. объектом, на который направлен акт).

В этом состоит решающее различие между Гуссерлем и Brentano: дилемма Brentano, упомянутая в начале статьи, возникает из-за того, что он считает объект, который придает акту его направленность, тем объектом, на который направлен акт. Brentano посвятил свою жизнь прояснению отношений между актом и его объектом, но он не преуспел в отыскании этого спасительного различия.

Объект акта является функцией ноэматического смысла акта в том смысле, что

(5) Одной и той же ноэме соответствует только один объект.

Фактически, Гуссерль даже декларирует это: «Тождество смысла имеет место лишь там, где объект не только идентичен, но и имеется в виду «в том же самом смысле», то есть с той же самой стороны, с теми же самими свойствами и т.п.» (NuS, 4.). Смотрите также «Логические исследования» II, I (1928), параграф 28, страница 416.

Обратное, однако, не имеет места:

(6) Одному и тому же объекту может соответствовать несколько различных ноэм (поемата).

Это является тривиальной истинной в силу тезиса (2), т.к. две ноэмы, которые имеют идентичный ноэматический смысл и, следовательно (как только что рассмотрено), идентичный объект, могут, тем не менее, иметь различный тетический характер и, следовательно, быть различными ноэмами. Так, например, акты восприятия, памяти и т.п., могут иметь одинаковый объект. Однако тезис (6) может быть усилен:

(6)*. Одному и тому же объекту могут соответствовать несколько различных ноэматических смыслов.

Это следует, фактически, из цитаты из гуссерлевской рукописи «Ноэма и смысл», которую мы только что привели для обоснования нашего тезиса (5): то, что объект является тем же самым, не достаточно для того, чтобы гарантировать тождество смысла; мы также нуждаемся в том, чтобы объект был дан с той же стороны, с теми же свойствами и т.п. Сравните также «Идеи», I, 321.8 и «Логические исследования», II, I, страница 416.

Ноэмы помогают индивидуализировать акты, так как

(7) Каждый акт имеет одну и только одну ноэму.

Сравните, например, «Ноэма и смысл», страница 2: «Всякий [объект имеет] ноэму как свою индивидуальную характеристику».

Надо заметить, что обратное не верно: одной и той же ноэме может соответствовать несколько различных актов. Эти акты будут похожими, они будут направлены на один и тот же объект, с совершенно одинаковыми свойствами, ориентированными одинаково. Они также будут иметь одинаковый тетический характер. И все же они могут быть различными актами: они могут, например, иметь различные временные координаты.

Можно предположить, что нозмы во многих отношениях подобны лингвистическим смыслам. Соответственно, нужно отметить следующее важное следствие тезиса (1):

(8) Нозмы являются абстрактными сущностями (abstract entities).

В качестве текстуального обоснования тезиса (8) мы упомянем следующее. В «Идеях» I (222.3) Гуссерль говорит: «Дерево, вещь природы, не имеет ничего общего с этой восприимчивостью дерева как таковой, каковая как смысл восприятия совершенно неотделима от соответствующего восприятия. Само дерево может сгореть, разложиться на свои химические элементы и т.д. Смысл же – смысл *этого* восприятия, нечто неотделимое от его сущности, - не может сгореть, в нем нет химических элементов, нет сил, нет реальных свойств»⁷. В рукописи «Нозма и смысл» Гуссерль утверждает: «Смыслы являются нереальными объектами, они не суть объекты, которые существуют во времени» (NuS, 109). И далее в той же рукописи: «Смысл не имеет реальности, он относится к временным промежуткам посредством акта, в котором он имеет место, но он сам по себе не имеет реальности [Dasein], единичной связи со временем и длительностью» (NuS, 114).

Здесь Гуссерль говорит о нозматическом смысле, но, т.к. другие компоненты нозмы также являются компонентами смысла (223.17-18), то же самое, по-видимому, применимо и к ним и, таким образом, ко всей нозме. Гуссерль пишет в «Идеях», 314.23-25 о том, что все нозматические смыслы и полные нозмы принадлежат к одному и тому же виду. То, что нозма не является пространственным объектом, ясно из «Идей», страница 97.23-24, где Гуссерль отмечает, что пространственные объекты могут переживаться только посредством перспектив (Abschattungen). Так как нозмы в принципе не переживаются посредством перспектив, они не являются пространственными объектами.

С этим тесно связан следующий пункт, который противоречит большинству принятых в настоящее время взглядов на то, чем являются нозмы:

(9) Нозмы не воспринимаются посредством наших ощущений.

Это положение не выражено ясно в каких-либо опубликованных работах Гуссерля. Однако оно является непосредственным следствием тезиса (8), и если оно окажется ложным, тезис (8) и несколько других наших тезисов также окажутся ложными. Поэтому важно найти и оценить те свидетельства за или против тезиса (9), которые вообще имеются в работах Гуссерля. Наиболее близко к данному вопросу в своих опубликованных работах Гуссерль подходит на 97 странице «Идей» I, где он замечает, что все видимые объекты могут переживаться только посредством перспектив. Так как нозмы, как только что было замечено, не переживаются посредством перспектив, они, следовательно, не являются видимыми. Очевидно, что они также не воспринимаются при помощи других чувств.

В неопубликованной рукописи «Нозма и смысл», на которую я уже ссылался ранее, Гуссерль, однако, более ясно выражается на этот счет. В ней есть длинный отрывок, который я процитирую полностью:

«Восприятие есть восприятие этого смысла (“of” this Sinn), но не таким образом, как восприятие является восприятием этого дома (of this house). Восприятие «имеет» смысл, но смысл не воспринимается. Теперь я сужу относительно восприятия, что оно имеет данный смысл, и что оно соответственно (в соответствии со своим смыслом) характеризуется как восприятие здания эпохи Возрождения, фасад которого имеет колонны из песчаника и т.п. Если я закрою свои глаза и соответственно имею [в своем сознании] дом, как он дан мне в памяти, то я снова скажу о памяти, что это память о том же самом смысле; в нем та же самая вещь, которую я ранее воспринимал,

⁷ Идеи I, с. 199.

представлена посредством памяти. И если я описываю просто иллюзию, то я снова скажу, что согласно ее смыслу, это фантазия «о»... и существует возможность того, что фантазия имеет именно тот смысл, что и восприятие» (NuS, 4).

Гуссерль вновь говорит здесь о ноэматическом смысле, но, как было отмечено выше, это высказывание, по-видимому, применимо ко всем частям ноэмы.

Кто-то мог бы удивиться: как, в таком случае, мы можем знать что-либо о ноэмах. Ответ Гуссерля таков:

(10) Ноэмы известны посредством особой рефлексии, а именно феноменологической рефлексии.

Наши прежние тезисы о ноэме теперь способны помочь нам понять, чем эта рефлексия является и чем не является. Она есть схватывание смысла. Цитируя Гуссерля: «На этот смысл... всегда может быть направлена специфическая рефлексия, и феноменологическое суждение обязано верно следовать тому и только тому, что охватывается ею» (222.36)⁸. Кроме того, в «Ноэме и смысле» Гуссерль подчеркивает, что «рефлексивное суждение феноменологии и логики направлено на смысл и следовательно не на то, что само является объектом нерефлексивного суждения» (NuS, 99-100). То, что рефлексруется вся ноэма, а не только ноэматический смысл, проявляется в нескольких местах, например, в «Идеях», страница 369.

Феноменологическая рефлексия является, следовательно, не особым способом видения или использования наших чувств; объект, схватываемые в феноменологической рефлексии являются, как мы только что установили в предыдущих двух тезисах, абстрактными и невоспринимаемыми.

Согласно Гуссерлю,

(11) Феноменологическая рефлексия может повторяться.

То есть, цитируя «Ноэму и смысл»: «Смысл, соответствующий объекту, сам в свою очередь является объектом..., он может быть сделан объектом суждения. ... Как таковой он имеет смысл второго уровня: смысл смысла..., следовательно, мы приходим к бесконечному регрессу до той степени, насколько смысл смысла может в свою очередь быть представлен как объект и затем снова иметь смысл и так далее» (NuS, 107-108). Как указывает Гуссерль, это также имеет то следствие, что «смысл не может быть реальным компонентом объекта» (NuS, 108).

Это одно из многих поразительных сходств между гуссерлевским понятием ноэмы и понятием смысла у Фреге. Однако существуют и важные различия. Так, например, в то время как Фреге считает, что в контекстах вида «убежден, что...», термины указывают не на свои обычные референты, но на свой обычный смысл, Гуссерль считает, как мы видели (тезис (4)), что акты в нормальном случае направлены на обычные объекты, а не на смыслы или ноэмы этих объектов. Это ведет к существенным различиям в их анализе контекстов акта.

Мы можем захотеть более детально узнать сущность ноэмы. Как и Фреге, Гуссерль не очень полезен в этом отношении. Одна из немногих подсказок, которую Фреге дал относительно его смыслов, заключалась в том, что они служат для высвечивания аспектов референции.⁹ Это до некоторой степени подходит и к ноэмам, которые в актах с одним объектом, но с различными ноэмами, можно сказать, фокусируются на различных аспектах своего объекта, схватывают его с различных точек зрения. Как и Фреге, Гуссерль

⁸ *Идеи I*, с. 200.

⁹ “Über Sinn und Bedeutung,” *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik*, с (1892): 27. (Русский перевод Фреге «О смысле и значении»).

считал, что физический объект имеет бесконечное число нозм и смыслов, связанных с ним, и никогда не может быть исчерпан каким-либо из них. Физические объекты являются «трансцендентными», если использовать термин Гуссерля.¹⁰

Гуссерль также дает еще несколько подсказок. Согласно тезису (3) выше, нозма или, точнее, нозматический смысл, является тем, в силу чего сознание относится к объекту. Возьмем акт видения в качестве примера. То, что видение является интенциональным, направленным на объект, означает, что ближняя сторона вещи, которая находится перед нами, рассматривается только как сторона вещи, и что вещь, которую мы видим, имеет другие стороны и определения, которые со-интендируются до того, что вся вещь рассматривается как нечто большее, чем одна сторона. Эти определения не наполняются перцептуально; они репрезентируются более или менее неявно и ведут нас к дальнейшему перцептуальному процессу, который делает невидимое видимым.¹¹

Нозма является сложной системой таких определений («Идеи», I, 93), которая делает множество визуальных, тактильных и других данных проявлением одного объекта (там же, 173-174). Цитируя Гуссерля: «Чистые перцептуальные данные... сами не являются перспективами, но они становятся перспективами посредством того, что мы также называем схватыванием (Auffassung), именно того, что дает им субъективную функцию быть проявлениями объективного» (там же, 163.11-17).

Именно таким способом, посредством перспектив, мы воспринимаем объекты. Пока продолжающийся поток наших переживаний соответствует более или менее ясно предварительно очерченной модели (pattern), мы продолжаем воспринимать тот же самый объект, и получаем все более «многогранное» его переживание, никогда не исчерпывая модель, которая развивается вместе с нашим переживанием объекта, включая все новые, ранее неизвестные определения. Время от времени наши переживания не соответствуют предварительно очерченной модели. Мы получаем «взрыв» нозмы и новую нозму нового, иного объекта. Мы были подвержены ошибочному восприятию, иллюзии или галлюцинации, в зависимости от обстоятельств, и мы утверждаем, что прежний акт не имел того объекта, который, как нам казалось, он имел.

(12) Эта модель определений вместе со «способом данности» (Gegebenheitsweise) является нозмой.

Мои двенадцать тезисов относительно нозмы ни в коей мере не исчерпывают данную тему. Они просто заставляют нас задаться вопросами вроде: если феноменология является исследованием значения в широком смысле, то какой свет отбрасывает она на те вопросы относительно значения, которые играют существенную роль в философии со времен ее начала и которые являются основной темой рассуждений такого большого числа современных философов? Справилась ли феноменология с теми трудностями, которые постоянно преследуют многочисленные древние и современные теории значения? Тщательное изучение работ Гуссерля может, как я думаю, дать часть ответов на эти вопросы. И даже если эти ответы окажутся отрицательными, я уверен, что подобное исследование может помочь более ясно выявить, в чем состоят эти трудности.

¹⁰ *Ideen*, I, 100, 238 и далее. Сравните с указанным местом у Фреге.

¹¹ *Phänomenologische Psychologie*, Beilage XVII, *Husserliana* IX, pp. 433-434.